КАРТИНЫ РУССКАГО БЫТА

САМОРОДОКЪ

Умный мужикъ Меркурій Артамоновичъ, это говорятъ всѣ; своеобыченъ онъ, и норовецъ есть какъ есть, не согнешь его, а дѣльный и умный мужикъ; онъ даже и въ гласныхъ молча сидѣть не согласенъ, даже секретарю думскому ничего не платитъ, кромѣ условной прибавки отъ всѣхъ членовъ, но за то ужъ крѣпко надоѣдаетъ ему, потому что лѣзетъ самъ во всякое дѣло, и судить и рядить, и ни одного журнала не подпишетъ безъ своихъ поправокъ и отмѣтокъ противъ дѣла. «Этого нельзя, того не хочу, не подпишу, неправо это,» такъ то и дѣло раздается голосъ Меркурья Артамоновича въ присутствіи, и секретарь, а ину пору и самъ голова, не знаютъ куда дѣваться. «Не вѣрю я твоимъ золотымъ очкамъ, кричитъ онъ, и родному брату не повѣрю, свой

глазъ смотрокъ, свой глазъ алмазъ, а ты въ стекло глядишь; подай дѣло, я самъ дочитаюсь въ немъ, чего нужно мнѣ, а тутъ что–нибудь да не такъ; ухомъ слышу, что фальшь есть въ этой пѣсенкѣ, что–то рознить тутъ въ одномъ мѣстѣ супротивъ кореннаго ладу! Законы подводить ваше дѣло, вамъ и книги въ руки, а ужъ разказать дѣло–то по правдѣ и мы сумѣемъ, это не штука!»

Безпокойный человѣкъ, нечего сказать, съ правдой своей, какъ оса въ глаза, такъ и лѣзетъ! «Да вы меня выпустите вонъ отсюда,» обратился онъ однажды къ головѣ: «вы начто меня сюда посадили? Не гожусь я вамъ, — и выпустите, а я поклонюсь!» — «Да вы бы, Меркурій Артамоновичъ, хоть ину пору больнымъ сказались, да отдохнули бы, ну, и не мѣшали бы дѣло дѣлать, и отвѣту бы никакого на васъ не было,» сказалъ ему на это голова, подумавъ про себя: «вѣдь это гиря привѣсилась ко мнѣ на шею,» и взглянувъ на него искоса, передумалъ и поправился: «какая гиря! цѣлая баба

копровая, тридцать пудовъ будетъ въ мужикѣ, и ореть–то, словно сваи бьеть с нагалу!»

— Начто больнымъ сказываться, отвѣчалъ тотъ, — Господь смилуется, такъ и совсѣмъ приберетъ, а поколѣ грѣхамъ терпитъ, здоровье даруетъ, грѣшно прихиляться, на Бога клепать, покараетъ он за это; я не напрашиваюсь на дѣло ваше, и своего много, а посадили на ряду, такъ не говорить: не могу, некуда дѣваться, надо обществу послужить, чтобы не стыдно было доброму человѣку въ глаза взглянуть; вѣдъ эдакъ–то, какъ всѣ мы станемъ больными сказываться, и мы то, мелкая сошка, и вы подъ конецъ, такъ кто же будетъ рядить да править, кто станетъ на міръ дѣло дѣлать?

«Небось, не скажемся, а сдѣлаемъ безъ тебя,» подумалъ голова, но промолчавъ, только вздохнулъ.

— Все одно, солгать надо, продолжалъ неугомонный Меркулъ Артамонычъ, — все одно солгать, что вотъ съ вами душой покривить, что отойдти отъ грѣха, да

больнымъ сказаться, все передъ Богомъ согрѣшить, солгать!

Въ торговлѣ Меркула Артамоныча уважали, слово его было крѣпко, подвохи никакой, барыши и наклады свои онъ носилъ на ладони, не таилъ ни передъ кѣмъ, но дѣла дѣлали съ нимъ осторожно, чтобы все было выговорено рядою; а порядился у него, по рукамъ ударили, такъ кончено, продался, и хоть въ петлю лѣзь, а ему свое подай, и противъ уговора, какъ онъ самъ его честно понимаетъ, ни на пядь. «Ну, это кремень,» говаривали тѣ, кои дѣлали дѣла на авось, «съ нимъ смотри, поберегайся: онъ и шкуру сдуетъ послѣ, не чтѣ возьмешь! У него, чего рядой не вырядишь, того послѣ руками не выробишь!»

Обороты Меркула Артамоновича были довольно обширны и, надо полагать, вѣрны, иначе бы простой мужикъ, безъ состоянія, не наковалъ себѣ кулакомъ такого богатства. Не одна сотня тысячъ перевертывалась у него въ годъ, и подонки садились отъ нихъ порядочные. Во

всякомъ, и самомъ сложномъ, оборотѣ, у него, не задерживая бѣглой рѣчи ни на минуту, былъ на языкѣ и весь разчетъ, и сказанныя имъ однажды цифры стояли, какъ выкованныя изъ желѣза, нерушимо.

— Языкъ мой врагъ мой, напередъ ума глаголетъ, отвѣчалъ онъ не одинъ разъ на безразсудное, повидимому выгодное для него предложенiе: — ты дома–то напередъ смекни на свободѣ, чтѣ говоришь, тогда приходи: а эдакъ–то одинъ изъ насъ въ дуракахъ будетъ, не годится.

Божбы и клятвы онъ на смерть ненавидѣлъ: какъ только бывало человѣкъ, въ сдѣлкѣ какой, станетъ божиться, такъ Меркулъ Артамоновичъ, протянув руку, сразу остановитъ его: — Не божись; у меня, кто побожился, тотъ совралъ; на правду не много словъ, а разговорчива кривда. Ты знаешь ли на кого шлешься, сказалъ онъ однажды в негодованiи, — ты понимаешь ли, чтѣ языкъ–то сорочiй лепечетъ? Вѣдъ ты, солгавъ, и на своего–то брата пошлешься только на мошенника, а на путнаго

послаться не посмѣешь, такъ ты чтѣ съ Богомъ–то дѣлаешь?

Но человѣкъ, а тѣмъ паче самородокъ, разнообразенъ природой своей, нравомъ и свойствами, и для правдиваго очерка этой замѣчательной личности, надо прослѣдить ее и в другихъ положенiяхъ и отношенiяхъ. Сдѣлаемъ это двумя только чертами, представивъ два случая изъ жизни Меркула Артамоновича.

У него было два дома, на двухъ концахъ города; въ одномъ, большомъ, съ огромнымъ садомъ, жилъ онъ самъ. Домашнiй бытъ его былъ таковъ, какъ всегда почти у людей простыхъ, стойкихъ, разбогатѣвшихъ въ крестьянствѣ и этимъ вдвинутыхъ въ городское, даже столичное общество: хозяинъ полновластный господинъ, чада и домочадцы въ полной покорности, или разладъ неминучъ, уступки и средины нѣтъ; на дѣла строгiй, нерушимый порядокъ, на все урочный часъ — въ мелкомъ хозяйствѣ дѣло идетъ ину пору черезъ пень въ колоду, въ домѣ грязновато, особенно на задахъ и въ

углахъ, а чтѣ на виду, то позолочено. Золото и въ грязи видно, дѣло–то и закрасится.

При этомъ домѣ былъ у него сосѣдъ, также точно, какъ и самъ онъ, вышедшій изъ крестьянства, но дошедшій тогдашними откупами и иными оборотами до громаднаго состоянія, такъ что давно уже писалъ истиникъ свой семью цифрами. Этотъ держалъ и велъ себя иначе: вступивъ въ образованное общество, онъ сразу усвоилъ себѣ весь бытъ, обстановку и внѣшность этихъ сословій, доказавъ тѣмъ ничтожность такихъ внѣшнихъ прикрасъ, наружнаго лоску, коимъ мы столько гордимся. Тщеславіе этихъ двухъ людей, если позволено такъ выразиться безобидно, не умаляя ихъ достоинствъ, было противоположное: одинъ, вступивъ разъ въ этотъ кругъ людей, ничѣмъ не хотѣлъ розниться отъ нихъ, а быть между ними дома и на своемъ мѣстѣ; другой, по черствой, негибкой, грубой по внѣшности природѣ своей, отстаивалъ свой старый бытъ и привычки, считалъ себя довольно

сильнымъ, чтобы удержать свою независимость, не покоряясь обычаямъ, кои были ему въ тягость, почему онъ и презиралъ ихъ. Тотъ, съ милліонами, спокойно и со скромнымъ самодовольствомъ наслажался своимъ положеніемъ, не опасаясь соперниковъ, со всѣми въ свѣтской дружбѣ, вездѣ на своемъ мѣстѣ, — этотъ, съ сотнями тысячъ, взятыми съ бою, стоялъ на почетно завоеванномъ мѣстѣ своемъ, словно съ рогатиной, и зналъ только свою правду и кривду, свое хочу и не хочу.

У сосѣда при домѣ, великолѣпно, по–барски устроенномъ, былъ садикъ, къ которому примыкалъ вплоть садище Меркула Артамоныча, запущенный, безъ призору, кромѣ небольшаго участка, гдѣ уходомъ забавлялся самъ хозяинъ, но большой, съ вѣковыми деревьями, изъ котораго, соединивъ оба сада въ одинъ, можно бы сдѣлать славную и потѣшную вещь. «Сходи–ка отъ меня къ Меркурію Артамоновичу, говоритъ хозяинъ прикащику, стоя у себя въ саду на

пригоркѣ и глядя въ сосѣднiй садъ, сходи, кланяйся отъ меня, спроси повѣжливѣе о здоровьи его, да спроси, не уступитъ ли онъ мнѣ своего саду, я бы не поскупился.» Прикащикъ, человѣкъ тертый, бывавшiй и въ мялѣ и въ пялѣ, и на конѣ и подъ конемъ, исполнилъ это очень ловко и прилично, но неудачно.

— Не продамъ, отвѣчалъ тотъ сухо, и замолчалъ, какъ воды в ротъ набралъ; всѣ лестныя убѣжденiя прикащика, осторожно переступавшаго съ ноги на ногу, могли вызвать изъ Меркула Артамоновича только вторичное: «слышь, не продамъ!»

— Кремень, подумалъ сосѣдъ, не сговорчивъ! Да онъ, можетъ–статься, думаетъ, я торговаться стану, не дамъ его цѣны?

— Не впервые вѣдь мнѣ, отвѣчалъ прикащикъ, — вѣрьте, что все говорено: и не слушаетъ.

«Странно, подумалъ тотъ, сосѣдъ Меркулъ за копейку держится, не любитъ упускать ея, кулакъ зажимистъ у него, а тутъ сразу обрѣзалъ... да, это норовистая

кляча, какъ упрется съ мѣста, такъ ты чтѣ хочешь дѣлай, не пойдетъ! Впрочемъ, онъ цѣны моей не знаетъ — а то, едва ли устоитъ. Подождемъ немного, дадим ему уходиться, да сразу и огорошимъ.»

Черезъ нѣсколько времени прикащикъ является опять къ Меркулу Артамоновичу, и на лицѣ его видна улыбка самоувѣренности. Вотъ бесѣда ихъ:

— Чтѣ скажешь, любезный?

— Все насчетъ того же–съ: много кланяться приказали.

— За поклонъ спасибо, вези и мой назадъ. Кого, того?

— Да насчетъ садику.

— Да нешто заложило у тебя, не слышишъ? вѣдь сказалъ я: не продамъ; чего жъ пороги–те околачивать? Аль вамъ въ жиру–то дѣлать нечего?

— Меркурій Артамоновичъ, вы извольте рѣчи мои выслушать, не погнушайтесь откровенностью, на словѣ не обрѣзывайте, по сосѣдской пріязни примите во вниманіе!

— Да чего слушать–то, изъ пуста въ пусто? И не по чину вашему хозяину

тянуться за десятинкою съ саженями, плевое дѣло; ему только что впору Разумовское купить, либо Перово, Кунцово, вотъ сады по немъ, а это чтѣ за садъ? Это мой, по нашему малому достатаку, ну, и не вяжись въ него.

— Подходящее дѣло, Меркурій Артамоновичъ, сосѣдское, сами изволите разсудить; вы человѣкъ занятой, и по дѣламъ своимъ, торговымъ оборотамъ, и по должностямъ общественнымъ, всѣмъ вѣдомо это, проклажаться некогда вамъ, потѣхами не занимаетесь, а дѣломъ, чтѣ для васъ садъ? сосѣду за хорошія деньги уступить его можно; а угодно — и калиточку для васъ сдѣлаемъ, пользуйтесь сколько угодно, хозяинъ радъ будетъ дорогому гостю по всякъ часъ.

— Ну, пой, пой, ты видишь, я слушаю.

— Да что пѣть–то, Меркурій Артамоновичъ, вы своимъ умомъ лучше нашего разсудите....

— А коли разсужу, такъ чего жъ толковать? Сказалъ, не продамъ!

— За цѣной не постоитъ хозяинъ, Меркурій Артамоновичъ....

— Экой ты, да не о цѣнѣ рѣечь, а о продажѣ; завѣтному нѣтъ цѣны! Непродажной вещи какая цѣна?

— Приказали было тридцать тысячъ посулить, сказалъ наконецъ прикащикъ тихо и скромно, не сомнѣваясь въ силѣ этого полновѣснаго убѣжденія.

— А я чтѣ съ твоими тысячами–то дѣлать буду, ѣсть стану ихъ, что ли? Я теперь выйду въ садъ, такъ мнѣ по крайности любо, свое; и на горку войду, и бесѣдку сяду, зарѣку гляжу — анъ и любо; эка чѣмъ удивить захотѣлъ: тридцать тысячъ! онъ, стало–быть, не знаетъ того, что непродажному нѣтъ цѣны, онъ деньгами все осилить хочетъ, и самого меня, пожалуй, купить, и совѣсть мою? Сосѣдъ сосѣдомъ, а въ мой горохъ не лѣзь; кланяйся ему, а тридцати тысячъ его мнѣ не надо. Прощай.

Ушель тотъ, какъ несолоно хлебалъ, и хозяину его только осталось пожать плечами и махнуть рукой: и домъ–то весь,

со всѣмъ дворомъ и садомъ, того не стоитъ, чтѣ ему даютъ за одинъ садъ, а онъ ртачится! Ну, чтѣ жъ, его воля. Тѣмъ дѣло кончилось.

Теперь, перейдемъ къ иному случаю, поглядимъ на Артомоновича и съ другой стороны. Мы помянули уже, что у него былъ и другой домъ, на противномъ концѣ города, и тамъ, конечно, было не безъ сосѣдей; одинъ изъ нихъ, недавно купившій домъ, счелъ нужнымъ тотчасъ же перебрать и вычинить заново заборъ, который былъ таковъ, что воры уже однажды разобрали его и всю ночъ шарили по двору. Сговариваться и пересылаться съ сосѣдомъ, жившимъ вдалекѣ, было долго, хотя починка забора, по закону, касалась обоихъ равно и должна была дѣлаться сообща. Словомъ, онъ сдѣлалъ дѣло это не откладывая, а сосѣду, еще не познакомившись съ нимъ, не видавъ его въ глаза, написалъ записку:

«М. г. Меркурій Артамоновичъ! Пишетъ вамъ и проситъ пріязни вашей новый сосѣдъ вашъ, купившій такой–то домъ:

общій заборъ нашъ разсыпался и черезъ него меня уже посѣтили воришки; пересылаться и сговариваться показалось мнѣ долго, а потому я поставилъ новый заборъ, 7 сажень, по 5 рублей, всего 35 рублей; коли признаете дѣло это правильнымъ, то, надѣюсь, не откажетесь принять половину расхода, 17 руб. 50 коп., на себя.»

Черезъ нѣсколько дней Меркурій Артамоновичъ самъ пріѣхалъ къ новому сосѣду познакомиться, сказалъ нѣсколько прямыхъ словъ и пожеланій о дружбѣ сосѣдской, помянулъ къ слову о переходахъ новокупленнаго дома изъ рукъ въ руки, о разныхъ бывшихъ хозяевахъ его, а потомъ прямо перешелъ къ дѣлу.

— Да, ну вотъ насчетъ того, что вы пишете. Оно, конечно, дѣло сосѣдское, правильно, заборы сообща, не отрекаюсь; только вотъ чтъ, вѣдь вы сдѣлали это не спросясь!

— Правда, Меркурій Артамоновичъ, въ этомъ и я не спорю; я же вамъ и писалъ, что коли сочтете должнымъ, то примите на

себя, по–сосѣдски, половину, а коли нѣтъ, то я прямо говорю, судомъ искать не стану.

— Да, ну, тутъ судомъ ничего и не сдѣлаешь, дѣло полюбовное; оно такъ, все такъ, не спорю, да сдѣлано–то не спросясь; опять я бы столбики–те дубовенькіе поставилъ, оно бы и попрочнѣе было!

— Да вѣдь дубовенькіе–то пять рублей кряжъ, оно бы и дорого стало, а не переговоривъ съ вами, я на это и не рѣшился; ужъ, кажется, не дорого сдѣлалъ я заборъ, и надѣюсь, постоитъ; осмотрите сами, вы дѣло знаете.

— Оно все такъ, да не спросясь; а по совѣту–то бы сдѣлать, оно бы лучше. Да, ну такъ вотъ чтѣ, мы однако съ вами по–сосѣдски сдѣлаемся, уважить надо новому сосѣду, почтеніе сдѣлать — такъ вы вотъ чтѣ, вы десять рубликовъ–то возьмите за заборчикъ, а расписочку–то пожалуйте мнѣ полненькую....

— Извольте, отвѣчалъ тотъ, хотя нѣсколько изумленный, глядя на этого здороваго и умнаго мужика — такъ какъ же ее писать полненькую?

— А возьмите перо–то, вотъ и пишите: такого–то числа и года, отъ такого–то, за поправку общаго, по сосѣдству, забора, семи саженъ, что пришлось на долю его, сосѣда, получилъ сполна — ну, и подпишитесь.

Кинувъ изъ одного тщеславія и упрямства, тридцать тысячъ, и здраво разсудивъ, что не ѣсть же ихъ, Меркурій Артамоновичъ въ то же время не упустилъ случая законно прижать другаго сосѣда и нажить отъ этого 7 руб. 50 коп.

В.ДАЛЬ